

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

А. Л. Якобсон. РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ ТАВРИКИ.—МИА, № 168, 1970

Новую книгу А. Л. Якобсона нельзя рассматривать в отрыве от его хорошо известных монографий, посвященных средневековому Херсону. С их страниц вставали яркие картины долгой, сложной и противоречивой истории крупнейшего средневекового города в Северном Причерноморье, оплота византийской политики и византийской культуры в Таврике. Новая книга А. Л. Якобсона выводит читателя за пределы городских стен Херсона и знакомит с его окружением. В центре внимания автора — жизнь рядового поселения, сельской общины. С тем же увлечением, с каким А. Л. Якобсон вел читателя из квартала в квартал по улицам Херсона, теперь он проводит его по долинам и ущельям Юго-западного нагорья Таврики. Деревни, сельские монастыри и убежища, ремесло, жилища, хозяйство и утварь обитателей края, их этно-культурные и политические связи — таковы новые объекты изучения. Но если до работ А. Л. Якобсона, посвященных Херсону, общие контуры его политической, экономической и культурной истории уже были знакомы благодаря раскопкам К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лепера, К. Э. Гриневича, Г. Д. Белова, работам А. Л. Бертье-Делагарда и С. П. Шестакова, то, вступая на землю сельской Таврики, А. Л. Якобсон в полном смысле вступил в «страну неизвестную» и принял на себя труд первооткрывателя.

В основу новой монографии А. Л. Якобсона положены материалы, добытые автором в течение одиннадцати лет (1956—1966) раскопок и разведок в Бельбекской, Варнутской, Байдарской и Качинской долинах. Описание и анализ этого материала составляют центральный раздел книги (гл. III. Результаты раскопок поселений, стр. 59—148). Ему предшествуют две вводные главы, первая из которых содержит обзор археологических памятников Крыма, датированных автором эпохой раннего средневековья (Археологическая карта раннесредневековой Таврики, стр. 10—29), а вторая — обоснование хронологии и описание керамики, являющейся основным источником для датировки изучаемых памятников (Керамический комплекс и хронология поселений, стр. 30—58). В четвертой главе (Хозяйственная жизнь и социальный строй поселений, стр. 149—181) А. Л. Якобсон анализирует материалы, дающие представление об экономике и социальной структуре края. В заключительной пятой главе (Материальная культура поселений и их этническая принадлежность, стр. 181—193) рассматривается проблема этноса и содержится очерк политической истории.

Такая структура работы позволяет читателю вслед за исследователем пройти все этапы изучения фактического материала — от первого ознакомления с объектами исследования до детального разбора его отдельных элементов. Этот путь постараемся повторить и мы в нашем обзоре, пытаясь таким образом вскрыть документальную основу тех выводов, к которым пришел в ходе своей работы автор.

Первая глава по существу представляет собой развернутую легенду к археологической карте раннесредневековой Таврики. При ее составлении перед автором вставали три проблемы: 1) периодизация (хронология) собранного материала; 2) определение социальной характеристики памятников; 3) пространственная группировка материала (районирование). Эти три проблемы решены следующим образом. А. Л. Якобсон выделяет три периода: V—VII, VIII — первая половина IX в. и вторая половина IX—X в. (см. рис. 1). Все памятники автор разделяет по их социальной и бытовой принадлежности на города, сельские поселения, крепости и могильники. В географическом аспекте А. Л. Якобсон объединяет памятники в три группы — памятники Западного равнинного Крыма, памятники Юго-западного нагорного Крыма и памятники Восточного Крыма. По замыслу автора, археологическая карта должна дать «предварительную картину распространения памятников в пространстве и времени» (стр. 8) и тем самым помочь исследователю и читателю сориентироваться в накопленном материале.

Хронологическая классификация памятников в этом разделе, разумеется, выглядит априорно, ее обоснование дается в следующем разделе, и мы не вправе, рассматривая данный раздел, обсуждать вопрос о периодизации материала. Точно так же до разбора III главы мы не вправе рассматривать социальную классификацию памятников. Остановимся здесь на принципах географического районирования, принятых автором. Хотя А. Л. Якобсон и оговаривается, что выводы первой главы имеют предварительный характер, они должны быть отмечены, так как полностью соответствуют исторической концепции автора, развитой в следующих главах и уже сказавшейся в предыдущих работах.

В основу пространственной организации материала А. Л. Якобсон положил формально-географический принцип, отчасти спроецировав на средневековый Крым встречаемое в современной литературе членение полуострова на западную, юго-западную и восточную области. Материал юго-западной области А. Л. Якобсон попытался связать с системами рек Качи, Альмы, Бельбека, Черной и особо выделил подрайон Южного берега. На территории, относимой автором к Восточной Таврике, он выделил северное предгорье, южное побережье и Керченский полуостров. Западная равнинная область выделена в особый район. В результате такого районирования особенности культуры Херсона остались неотмеченными: Херсон рассматривается наряду с прочими памятниками нагорья. Специфика единой культуры VIII—IX вв. на Керченском полуострове и в степных предгорьях оказалась смазана, а вопрос о культуре прибрежных памятников восточной части нагорья заранее предрешен включением их в одну область с памятниками предгорий и Керченского полуострова.

Отсюда такие спорные заключения, как тезисы о том, что население Юго-западного Крыма стремилось поселиться ближе к Херсону (стр. 25), что поселения Восточного Крыма тяготели к Боспору, «как к своему экономическому, а затем и политическому центру» (стр. 29) и др.

Нам представляется, что было бы рациональнее при составлении легенды к археологической карте раннесредневековой Таврики учитывать не только формальное положение памятников, но также их принадлежность к определенной культурной области, их культурную ориентацию. Достаточно взглянуть на составленную А. Л. Якобсоном карту (рис. 1), чтобы убедиться, что все отмеченные им памятники объединяются в несколько микрорайонов, отличных друг от друга по природным условиям, по своей экономике, исторической традиции и политической ориентации. Таких микрорайонов шесть: 1) Херсон с его ближайшей округой (Гераклейский полуостров) и 2) Южный берег (от Балаклавы до Судака), ориентированные на малоазийские провинции Византии; 3) область степных предгорий Центрального Крыма и Керченский полуостров (от р. Салгира до Боспора), тесно связанная с северопричерноморской степью и Приазовьем; 4) замкнутое юго-западное нагорье, густо населенное, имеющее самостоятельную культурную традицию, восходящую к таврскому периоду, превратившееся к XIII в. в автономное политическое образование; 5) восточное нагорье — глухая, малонаселенная (и еще мало изученная в археологическом отношении) область, находящаяся на стыке степного и южнобережного культурных микрорайонов, в политическом и экономическом отношении всегда тяготеющая к Судаку и Кафе; наконец, 6) западнокрымская степь — район, спорадические следы средневековья (X в.) в котором были нащупаны только в последнее десятилетие, и их культурная атрибутика еще весьма проблематична. Эти микрорайоны сложились исторически на основе различных природных ресурсов и хозяйственной специфики занимавших их групп населения и сохраняли эту специфику вплоть до XIX в.

Вторая глава монографии несет на себе двойную нагрузку. Во-первых, она обосновывает хронологию памятников, описанных в первой главе, и, таким образом, является в некоторой степени вводной частью работы. Во-вторых, она содержит описание и анализ керамического комплекса изучаемых памятников, и, следовательно, в ней сосредоточен основной фактический материал для суждений о характере материальной культуры, об этносе, об уровне хозяйственного развития и экономических связях обитателей раннесредневековой Юго-Западной Таврики. Глава подразделена на две части и завершается заключением, подводящим итог фактологическому обзору. Первая часть содержит обзор материалов, относящихся к V—VII вв., вторая — к VIII—X вв.

Керамический комплекс раннесредневековой Таврики весьма своеобразен. Он состоит из двух видов керамической продукции, возможности которых, как исторического источника, неравнозначны. Первый вид керамической продукции — амфоры, пифосы, черепицы — представляет развитое гончарное производство, уходящее корнями в античную эпоху. Эта продукция, встречаемая в Северном Причерноморье, либо является импортом, либо — продукцией местных северопричерноморских гончарных центров, в развитии которых, однако, отразились закономерности общего развития керамического производства раннесредневекового Средиземноморья. И в том и в другом случае они характеризуют экономические и, возможно, политические связи обитателей раннесредневековой Таврики с отдельными районами Византии. Второй вид керамической продукции представляет местное домашнее производство. Только этот вид керамики содержит информацию об этнических связях. Для определения хронологии памятников этот вид керамической продукции менее важен, чем первый, так как менее распространен и значительно менее изучен.

А. Л. Якобсон основное внимание обращает на керамику первого вида, причем для периода V—VII вв. он вообще отказывается определить формы массовой домашней керамики, ограничиваясь лишь характеристикой амфор, пифосов и черепиц. При этом он ссылается на разрозненность и малочисленность материала V—VII вв., полученного при исследовании юго-западного нагорья. Отсутствие характеристики домашней керамики V—VII вв. подрывает основы этногенетической концепции А. Л. Якобсона, сложившейся в ходе изучения более позднего материала — VIII—X вв. А. Л. Якобсон почему-то не обратился в данном случае к тому методу, которым он пользуется, выделяя из разрозненного и малочисленного материала типы амфор, пифосов и черепиц, к методу датированных аналогий. А такие аналогии в Крыму есть. Это керамика могильников Суук-Су, Скалистинского, Чуфут-Кале, серия сосудов из д. Мангуш (теперь с. Партизаны), хранящаяся в Симферопольском краеведческом музее с 1913 г. (без пифра, ср.: ИТУАК, вып. 49, 1913, протоколы, стр. 271—272) и др. Привлечение материала синхронных поселениям могильников, где найдены целые сосуды, как и сопоставление его с материалом более ранних памятников (могильники Чернореченский, Инкерманский, «Совхоз-10» и др.), позволило бы А. Л. Якобсону поставить вопрос об этнических процессах V—VII вв. в юго-западном нагорье и, по нашему мнению, привело бы его к другим выводам относительно этноса, населявшего горную Таврику в VIII—X вв.

Анализу керамики VIII—X вв. А. Л. Якобсон уделяет несравненно больше внимания, чем анализу керамики V—VII вв. Это понятно: ведь исследование посвящено главным образом VIII—X вв.

Начинается анализ с обзора амфор. А. Л. Якобсон отмечает две группы сосудов, бытовавших в Таврике в этот период: бороздчатые амфоры с овоидно-продолговатым туловом и гладкостенные с овоидно-сферическим туловом, орнаментированные по плечикам зонами мелкого частого рифления. А. Л. Якобсон называет эти амфоры «причерноморскими». Но такое наименование нельзя признать удачным, так же как и название «салтовские», под которым они вошли в литературу. Несмотря на внешнюю кажущуюся однородность, амфоры этого периода весьма разнообразны. Две отмеченные А. Л. Якобсом группы характеризуют лишь две тенденции в развитии амфорных форм, причем хронология отдельных видов внутри этих групп остается до сих пор невыясненной. Амфорная тара VIII—X вв., распространенная в городах Северного Причерноморья, в юго-западном нагорье и в областях салтово-маяцкой культуры, нуждается в специальном исследовании, подкрепленном анализом форм, технологии изготовления и состава глины, который базировался бы на спектральном и петрографическом методах. Такой анализ, несомненно, приведет к выделению подтипов амфор VIII—X вв., уточнению их хронологии, выявлению центров их производства и экспорта. В настоящее время приходится принимать ту широкую дату, которая закрепилась за этими амфорами, и на этом основании датировать поселения VIII—X вв. Эту широкую дату подтверждает также разбор других видов керамики (пифосы, черепицы, кувшины с плоскими ручками, спорадически встречающиеся на поселениях салтовские рифленые горшки).

А. Л. Якобсон не совсем последовательно определяет верхний рубеж существования исследуемых памятников. Иногда он говорит о VIII—IX вв. как времени существования поселений, иногда о VIII—рубеже IX—X вв. Недостаточно ясным остается и вопрос о преемственности между поселениями V—VII вв. и VIII—X вв. А. Л. Якобсон отмечает, что под слоями VIII—X вв. на всех исследованных памятниках проступали более или менее явственные следы обитания в V—VII вв. Но был ли между ними hiatus, или поселения V—VII вв. переросли в поселения VIII—X вв., остается неясным.

Определение нижнего и верхнего рубежей существования поселений имеет первостепенное значение для установления населявшего их этноса и для выяснения политической истории края. Но мы вынуждены констатировать, что на основании того керамического материала, который был получен автором, на современном методическом уровне большего, чем сделал он, сделать нельзя.

В то же время следует отметить, что для установления верхней границы существования поселений автор в недостаточной степени использовал такой показательный материал, как стеклянные браслеты, неоднократно отмеченные при описании раскопок. На поселениях встречались обломки плоских в сечении браслетов из темно-синего прозрачного стекла, квадратных в сечении из темно-синего стекла с орнаментацией в виде белых кружков, обломки круглых и витых браслетов. Наличие такого широкого ассортимента стеклянных браслетов говорит о том, что поселения не только существовали в начале X в., но, может быть, даже дотянули до его конца. Такое предположение подтверждается находками на поселениях фрагментов белоглиняной поливной посуды. Представленные на всех поселениях фрагменты амфор с зонами мелкого рифления также говорят и о том, что в конце IX в. поселения не погибли, а продолжали существовать еще в X в., — поскольку эти амфоры не вполне синхронны бороздчатым амфорам и, как показывает материал Саркела и Херсона, продолжали бытовать вместе с импортными мелкобороздчатыми грушевидными амфорами, датировемыми X — началом XI в.

Таким образом, приведенный во второй главе материал помогает установить два периода в раннесредневековой истории Юго-западной Таврики. Первый период — V—VII вв., второй период — VIII—X вв. Первый период характеризуется, по наблюде-

нию автора, сравнительно слабой интенсивностью жизни в нагорье, а второй, напротив, — бурным развитием края.

Как видим, вывод второй главы не совпадает с той периодизацией, которая дана А. Л. Яковсоном в первой главе монографии (карта, рис. 1). Там период наиболее интенсивного развития определен рамками VIII — первой половиной IX в., здесь же А. Л. Яковсон четко говорит, что верхняя хронологическая грань жизни поселений — рубеж IX и X вв. или начало X в. (стр. 56). Мы же полагаем, что эта грань могла бы быть поднята до конца X в., хотя, возможно, и не на всех поселениях.

Широкое распространение в быту обитателей горной Таврики VIII—X вв. высококачественной керамики (тара — амфоры, кувшины, пифосы; строительная керамика — черепицы), изготовленной профессионалами-гончарами, сочеталось с использованием лепной посуды весьма архаических форм, выделанной из грубой, плохо обработанной глины, обожженной в домашних условиях на слабом огне. А. Л. Яковсон совершенно справедливо отмечает, что эта керамика в быту обитателей края превалировала. Обломки так называемых салтовских рифленых горшков при раскопках «встречались несравненно реже» (стр. 53), чем обломки лепных сосудов. Некоторые лепные сосуды имеют следы подражания хорошо выделанным салтовским горшкам.

При анализе этой керамики А. Л. Яковсон, так же как и при анализе керамики предшествующего периода, не учел материала могильников Горного Крыма, дающих целые сосуды, и, таким образом, лишился аналогий в том самом районе, которым он непосредственно занимается. Это привело А. Л. Яковсона к ошибочному заключению, что реконструируемые им лепные сосуды «не являются узлокальной особенностью сельских поселений Юго-западной Таврики» (стр. 54). В поисках аналогий А. Л. Яковсон обратился к материалу Саркела IX — начала X в. Однако принять ссылку на материал Саркела нельзя, поскольку ничем, кроме одного сосуда, произвольно взятого из многообразного и сложного керамического комплекса Саркела и, кстати, не похожего на типичные формы Горного Крыма (стр. 54, рис. 21), А. Л. Яковсон подкрепить свою мысль не может. Апелляция А. Л. Яковсона к устаревшей работе М. И. Артамонова¹ (стр. 54, прим. 75) также не может быть принята, поскольку классификация саркельской керамики, данная на основании подъемного материала М. И. Артамоновым, давно пересмотрена И. И. Ляпушкиным² и С. А. Плетневой³.

Лепная керамика Юго-западного Крыма не похожа на лепную кочевническую керамику Подонья — Приазовья, как пытается доказать А. Л. Яковсон. Керамика кочевнических стойбищ, обследованных С. А. Плетневой, представлена сосудами яйцевидной формы со слабо отогнутым наружу венчиком, поверхность их обычно имеет следы заглаживания пучком травы, тесто рыхлое, часто с примесью рубленой травы и соломы⁴. Сосуды (горшки) горной Таврики имеют, как правило, шаровидное тулово и относительно высокую шейку без выделенного венчика, которая завершается обычно уплощенным срезом. Поверхность их тщательно затерта, часто залощена, тесто грубое с крупными включениями толченого щебня, черепок твердый, но легко крошащийся. Эта керамика имеет прототипы в керамике могильника «Совхоз-10», т. е. в местной, горнокрымской этнокультурной среде. А. Л. Яковсон совершенно справедливо сам указывает на близость этих сосудов к позднеантичной лепной керамике поселений у с. Заячье и с. Заветное (стр. 55). Возможно, он прав, усматривая некоторую близость и в формах лепной керамики позднеантичного Боспора (хотя не со всеми его аналогиями можно согласиться). На эту близость неоднократно указывалось в литературе. Однако следует признать, что тема преемственности между культурой средневековой и позднеантичной горной Таврики осталась в работе неразвитой. Утверждая близость лепных форм VIII—X вв. к позднеантичным формам и одновременно стремясь доказать их подобие сосудам тюркоязычных кочевников Приазовья, А. Л. Яковсон явно впадает в противоречие.

В заключение обзора керамики А. Л. Яковсон совершенно справедливо акцентирует внимание на двух специфических явлениях в культуре Юго-западной Таврики VIII—X вв. Первое — синтез в быту населения примитивной архаической лепной и высококачественной гончарной керамики. Второе — несоответствие между керамическим комплексом Восточной Таврики VIII—X вв., Херсона и юго-западного нагорья. На основании последнего А. Л. Яковсон даже ставит вопрос о различии в этнической среде, которое скрывается за этим различием в формах материальной культуры (стр. 58). С этим заключением автора нельзя не согласиться. Однако дальнейший разбор работы покажет, что верные заключения автор не всегда реализует при трактовке этногенетической проблемы.

В третьей главе А. Л. Яковсон продолжает тему «материальная культура Юго-западного Крыма». Теперь в центре его внимания — поселения, жилища, храмы и некрополи. Источником для исследования в данной главе служат непосредственно памятники, обследованные и частично раскопанные автором. Поэтому ценность главы

¹ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на Нижнем Дону. Л., 1935.

² И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. — МИА, № 6, 1941.

³ С. А. Плетнева. Керамика Саркела — Белой Вежи. — МИА, № 75, 1959.

⁴ См. С. А. Плетнева. От кочевий к городам. М., 1967, стр. 103—105, рис. 25.

состоит не только в тех выводах, какие автор делает на основании изученного материала, но и в самом материале, ибо он представляет первую полную публикацию результатов одиннадцатилетних раскопок в Юго-западной Таврике и чрезвычайно важен не только по своему содержанию, но и как первый пример изучения весьма специфических археологических объектов — сельских средневековых поселений.

Рассмотрим приведенные А. Л. Яковсоном данные с точки зрения их соответствия тем выводам, которые он из них сделал.

Первый вывод, с которым мы можем полностью согласиться, — тезис об оторванности юго-западного нагорья от Херсона в VIII—X вв. Именно исходя из этого тезиса, мы выше отмечали неправомочность объединения Херсона и юго-западного нагорья в рамках одного культурно-исторического региона. Юго-западная Таврика представляла самостоятельный культурно-этнический микрорайон. Это доказывается справедливо отмеченными А. Л. Яковсоном различиями в традициях монументальной архитектуры, в фактах отсутствия экономического общения между Херсоном и юго-западным нагорьем, в формах бытовой керамики и даже амфорной тары. Однако, следует отметить, не все сравнения между Херсоном и поселениями нагорья правомерны. Так, сравнивая тип жилого строительства, А. Л. Яковсон почему-то не принимает во внимание естественного географических различий между Херсоном и долинами нагорья и социального различия: он сравнивает несопоставимые явления — бытовую архитектуру крупного города и маленькой заштатной деревни. Непоследовательность А. Л. Яковсона, к сожалению, проявляется и здесь. Так, на стр. 120 он пишет: «В Юго-западной Таврике также сильно проявлялось влияние городской, притом византизированной, культуры соседнего Херсона — сравнительно крупного по тогдашним масштабам города, влияние не только в сфере жилого строительства, но и в области ремесленного производства, прежде всего гончарного». А на стр. 147 он делает следующий вывод: «Вместе с тем наши раскопки с бесспорностью показали отсутствие осязаемых и реальных связей с ближайшим экономическим и культурным центром Таврики Херсоном. . . Это сказывается в резком контрасте всей материальной культуры. О резком различии в массовой керамике говорилось выше. . . Не менее ясно ощущается контраст в жилом строительстве. . . (?!)».

Второй вывод А. Л. Яковсона касается проблемы этнокультурных связей Юго-западного нагорья. На основании анализа жилого строительства в Юго-западной Таврике А. Л. Яковсон утверждает «наличие общности с культурой поселений Восточной Таврики» (стр. 146), население юго-западного нагорья он называет «сородичами» обитателей восточной половины края. Вместе с этим он говорит о «местной, античной» традиции в культуре Юго-западной Таврики. Эти заключения основываются на утверждении, что открытые автором на поселениях Юго-западного нагорья жилища настолько подобны, что можно говорить об одном общем типе жилой постройки, распространенном в VIII—X вв. во всей Юго-западной Таврике. Тот же тип жилой постройки — турлучный или саманный дом на каменном основании, состоящий из двух помещений, в одном из которых находился открытый очаг, как полагает А. Л. Яковсон, был распространен также на одновременных поселениях Восточной Таврики. По мнению А. Л. Яковсона, этот тип дома имеет аналогию на Тамани и в Северном Приазовье, где представляет локальный вариант строительной культуры обитателей салтовомаяцких поселений. Вместе с тем, по мысли А. Л. Яковсона, этот тип дома восходит к позднеантичной строительной традиции Керченского полуострова.

Как показало изучение Восточной Таврики (Керченский и Таманский полуострова), поселения этого края были неоднородны по своей социальной сущности (сельские поселения, большие урбанизирующиеся поселки и города) и жилые постройки в них тоже были различны⁵. Здесь на сельских поселениях выявлено постепенное освоение каменного строительства оседающими кочевниками, которые от углубленной в землю полужемлянки перешли к двухкамерному наземному жилищу, представляющему, как убедительно показала С. А. Плетнева, ссылаясь на большой этнографический материал, обычный тип жилища на полукочевнических зимниках. О влиянии античной традиции на формирование строительных навыков у населения Южного Приазовья в VIII—IX вв. можно говорить только с очень большими оговорками, так как отмеченный тип дома представляет собой генетически конечный, а не начальный этап развития строительной техники — во-первых, и нет прямых аналогий между античным и средневековым строительством в Восточной Таврике, за исключением городов Боспора и Фанагории, — во-вторых.

Что же касается построек, открытых А. Л. Яковсоном в Юго-западной Таврике, то следует отметить прежде всего фрагментарность материала и вследствие этого нередко проблематичность определения формы строения, а кроме того, — несомненное отличие типов жилищ на разных памятниках, исследованных А. Л. Яковсоном. Т. е., так же, как и в Восточной Таврике, нет единства, нет одного типа постройки; но если там прослежен генезис формы, то здесь этого выявить не удалось.

Различна и топография поселений. Так, поселок у д. Бобровки (Байдарская долина) был размещен на склоне и имел очень сложную структуру: весь склон перерезан под-

⁵ А. В. Гадло. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII—X вв. — «Вестник ЛГУ», № 14, 1968, стр. 56—65.

порными стенками и крепидами. Поселок у д. Поляны (Бельбекская долина) лежал в низине на плоскости. Дома в обоих поселках были различны: прилепленные к подпорным стенам, как в современных селениях горного Кавказа, каменные постройки у д. Бобровка и просторно раскинувшиеся действительно двухкамерные с турлучными стенами мазанки у д. Поляны. Один этот пример показывает, насколько индивидуально подходила каждая община к выбору места для поселения и к устройству жилищ. Остается неясным, почему жители первого поселения не спустились к подножию и вели строительство на склоне, терпя всяческие неудобства, а жители второго — спокойно расположились в долине.

За этим могут стоять и этнические и хронологические различия. Так, в дальних закрытых долинах (Байдарской и Варнутской), возможно, сохранялся более древний, более статичный облик этноса (ср. обряд погребения), а в открытую с запада Бельбекскую долину, может быть, просачивалось какое-то население из степи (тип поселения у с. Поляны и в самом деле напоминает селища Восточной Таврики). Не вдаваясь в детальный разбор каждого поселения и каждой постройки в отдельности (принадлежность всех описанных А. Л. Якобсоном построек к разряду жилищ проблематична), мы отметим главное: из того материала (14 построек), который приведен автором, вовсе не следует, что в Юго-западном Крыму в VIII—X вв. был распространен один стабильный тип поселения и один тип жилого дома, поселения и дома были различны, следовательно, вывод о тождественности строительной культуры Восточной и Юго-западной Таврики не соответствует действительности.

Содержащийся в четвертой главе очерк экономики и социальной организации обитателей Юго-западной Таврики строится не только на археологическом материале, но и на письменных источниках. А. Л. Якобсон весьма удачно сопоставляет сведения о горнокрымском джемаате XV—XVIII вв. с данными «Земледельческого закона» (VIII—X вв.) и убедительно доказывает архаизм сельской общины юго-западного нагорья.

Край, как полагает А. Л. Якобсон, населяли слабо связанные с соседними территориями общины, основой хозяйства которых являлось земледелие. К сожалению, добытый раскопками материал, позволяющий характеризовать хозяйство, очень невелик, поэтому автор вынужден ограничиться только краткой фиксацией основных явлений (земледелие, скотоводство, виноделие).

Более детально А. Л. Якобсон рассматривает вопрос о развитии ремесла в Юго-западной Таврике. Он отмечает два вида ремесел — кузнечное и гончарное. Установленное А. Л. Якобсоном наличие в Юго-западной Таврике высокоспециализированного производства строительной керамики (черепица) дополняет уже неоднократно приводившиеся в литературе материалы о специализированных гончарных районах в окрестностях с. Морского (Чобан-Куле), около Мисхора и в других местах горной Таврики. А. Л. Якобсон полагает, что в Юго-западной Таврике в VIII—IX вв. активно шел процесс отделения ремесла от земледелия (стр. 164).

Последний тезис нуждается в основательной коррекции. Широкое производство строительной керамики было вызвано не внутренними потребностями сельской общины, а развитием храмового строительства, на что справедливо указывает автор, и безусловно являлось не следствием развития собственного гончарного производства земледельцев горной области, которые в быту использовали примитивную лепную посуду, а было привнесено извне. Это связано с греческой монашеской иммиграцией; на что недвусмысленно указывают проанализированные А. Л. Якобсоном знаки мастеров на черепицах. То же, по-видимому, следует сказать и об изготовлении тарной керамики, которая ни по технологии производства, ни по конструкции печей, ни по формам продукции не может рассматриваться как местная, крымская. Более вероятно выделение в сельских поселениях своих кузнецов, однако был ли процесс плавки железа освоен обитателями горных долин, — пока неясно. Находки железных полуфабрикатов еще не свидетельствуют о том, что выплавка из руды производилась на месте. Не исключено, что полуфабрикаты завозились извне (возможно, они были крымского происхождения), а в поселениях нагорья подвергались только горячей проковке. Таким образом, на наш взгляд, было бы правильнее констатировать сложность явления. Материал Юго-западной Таврики фиксирует экономическую неразвитость собственного производства обитателей края и вторжение в их жизнь высококвалифицированного специализированного ремесла, продукция которого начинает широко внедряться в быт, что расплывало, по-видимому, как обычно рыночная продукция, кочность и замкнутость общин.

Одним из наиболее интересных явлений в социальной жизни Таврики VIII—X вв., отмеченных А. Л. Якобсоном, следует считать появление небольших крепостей, к которым тяготели открытые поселения. Они зафиксированы в Байдарской долине, в долине Бельбека и Качи. А. Л. Якобсон полагает, что это были общинные крепости-убежища, и справедливо усматривает аналогию этому явлению в возникновении в тот же период укрепленных мысовых поселений в Верхнем Подонье, на Северском Донце, на Осколе. Однако напрасно, на наш взгляд, А. Л. Якобсон оспаривает тезис С. А. Плетневой о том, что появление укреплений, окруженных селищами, свидетельствует о начале феодализации. Совершенно верно указывая на значение монашеской иммиграции в Таврику в конце VIII в. как феодализующего момента в социально-экономическом развитии края, А. Л. Якобсон в то же время несколько недооценивает значение поли-

тической обстановки в Таврике VIII в. Возникновение крепости-убежищ — это, несомненно, реакция на осложнение общей политической ситуации, когда горная Таврика оказалась на стыке интересов Византии и Хазарии. В то же время это признак возрастания роли в жизни общин их военной организации, а следовательно, и признак начала феодализации, совпадающей с очевидным ростом общественного производства, что выразилось главным образом в интенсивном строительстве и увеличении числа поселений.

К сожалению, материал, приведенный А. Л. Якобсоном, невелик. Им не предприняты сплошные обследования долин, которые позволили бы более четко представить связь укрепленных и неукрепленных поселений, не выявлена топография тех и других, не показано взаимоотношение «крепостей-убежищ» и неукрепленных поселков с так называемыми «византийскими крепостями» (Мангуп, Инкерман, Сюрень, Эски-Кермен, Бакла и др.). Без такого сплошного обследования и установления хронологии и социальной значимости каждого объекта и их взаимосвязи вопрос о степени феодализации Юго-западной Таврики в VIII—X вв. не может получить удовлетворительного разрешения. Ограниченность материала (отсутствие топографии отдельных поселений, неясность планировки жилых и хозяйственных комплексов, усадеб) не позволяет глубоко проникнуть и в сущность явлений, происходивших внутри общин.

Таким образом, в IV главе автор знакомит читателя с исключительно интересным материалом, который позволяет поставить проблему и сделать первые — подчеркиваем, только первые — шаги в сторону ее разрешения.

В пятой, заключительной главе рассматриваются три вопроса: 1) причины интенсивного оживления поселений Юго-Западной Таврики в VIII—IX вв., 2) этническая характеристика этих поселений, 3) их археологическая культура. Все три вопроса глубоко взаимосвязаны, и в значительной степени решение первых двух зависит от решения третьего.

Глава начинается с утверждения о тождестве материальной культуры сельских поселений (по крайней мере основных ее проявлений) на территории всей Таврики и степного Приазовья в VIII—X вв. (стр. 182). Основными проявлениями материальной культуры автор считает следующие элементы: состав керамического комплекса, форму жилища и обряд погребения. В данной главе он по существу лишь суммирует выводы, сделанные им при разборе конкретного материала в предыдущих главах. Суммируем и мы наши расхождения с А. Л. Якобсоном в трактовке приведенного им материала.

Выше мы отмечали, что комплекс керамики, бытовавшей в VIII—X вв. в юго-западном нагорье, сложен. В его основе лежат местные лепные формы, восходящие, по-видимому, к формам керамики позднеантичных могильников того же района, которые А. Л. Якобсон в своей работе игнорирует. Только эти лепные формы (горшки, миски, кувшины) содержат информацию об этносе, ибо другие бытовые формы (в том числе и гончарные горшки с рифлением) были здесь привозными, т. е., так же как тара и строительная керамика, связаны с другой этнокультурной средой. А. Л. Якобсон в данной главе, начав с утверждения тождества, затем справедливо указывает на различие между салтовским керамическим комплексом и комплексом бытовой керамики юго-западного нагорья (стр. 182—184). Таким образом, остается неясным, на чем же зиждется утверждение, что комплекс Юго-западного Крыма наиболее близок к керамическому комплексу поселений Приазовья.

Далее — форма жилища. Автор сетует на небольшой сравнительный материал Приазовья. Но ведь материалы Тмуророкани, Тепсеия, пос. у д. Героевки, у д. Пташкино и др. хорошо известны А. Л. Якобсону. Мы уже говорили, что вывод о существовании в Юго-Западной Таврике одного типа жилищ неверен. Не было одного типа жилищ и в Восточной Таврике. Следовательно, нет оснований для спора, так как послышки автора неточны.

Наконец — тип погребения. А. Л. Якобсон совершенно справедливо очерчивает территорию, на которой в VIII—X вв. был распространен тот же обряд погребения, какой он обнаружил в юго-западном нагорье, — труположение в плитовой гробнице с ориентацией погребенного головой на запад. Указанная территория охватывает юго-западное нагорье, Южный берег, Восточную Таврику, частично Северный Кавказ. Это области, где в изучаемое время господствовало или утверждалось христианство и устанавливался характерный христианский обряд захоронения и устройства могилы. Плитовые могилы не являются этническим признаком, и их также надо сбросить со счета.

Однако было бы неверно не заметить, что в одном из некрополей, исследованных А. Л. Якобсоном (у с. Родниковое), имелись могилы другого типа, а именно — ямные захоронения с остатками гробовища (или деревянной обкладки). А. Л. Якобсон непременно хочет найти аналогию этим погребениям в областях салтово-маяцкой культуры. Сделать это можно, но такая аналогия будет далеко не бесспорна, поскольку значительно ближе к Байдарской долине, на Южном берегу, в VI—VII вв. был распространен подобный тип погребения (нижний слой Суук-Су). В могильнике у с. Родникового — следы незавершенной христианизации, о чем свидетельствует неустойчивый обряд погребения, сохраняющий реликты языческих верований.

Вывод А. Л. Якобсона о тождестве культуры Юго-западной горной Таврики, Восточной степной Таврики и всего Подонья — Приазовья приводит к утверждению, что

эти районы были в VIII—X вв. населены одним этносом. И поскольку известно, что до начала хазарской экспансии Приазовье было заселено болгарами (праболгарами), А. Л. Якобсон полагает, что в VIII в. под давлением хазар болгары Приазовья продвинулись в Крым, захватив не только степь, но и горную область. Продвижение болгар в Таврику А. Л. Якобсон объясняет политической стабилизацией в южнорусской степи и относительной политической независимостью Таврики в VIII—начале IX в. и от Византии, и от Хазарии. Автор полагает, что Таврику заселяла та группа болгар, которая в X в. была известна под именем «черных болгар».

Несогласие с авторской трактовкой археологических источников не позволяет нам признать справедливой его историческую концепцию. А. Л. Якобсон прав, когда говорит о тождестве культуры Восточной и Центральной степной Таврики с культурой Тамани и степного Приазовья. Это был один этнокультурный регион, населенный одним этносом — потомками гунно-болгарских родов, подчинившихся в конце VII в. хазарам. Распространять же степную культуру на юго-западное нагорье мы не вправе — данных для этого нет. Отдельные элементы степной культуры — более высокой, чем культура замкнутого в горных долинах населения, разумеется, проникали в нагорье. Туда попадали формы салтовской керамики (гончарные рифленые горшки, лощеные сосуды), с которыми не могла конкурировать архаическая местная посуда; туда проникали приемы строительства (кладка «в елку»), заимствованные на развитых поселениях степного района; там могли появляться и группы степняков, так как шедший на границах степи в предгорьях процесс оседания мог загнать в горную область отдельные роды и семьи. Но в целом культура Юго-западной Таврики была особой, автохтонной, восходящей к культуре предшествующего времени.

Распространение этнонима «черные болгары» на юго-западное нагорье, как, впрочем, и на Восточную Таврику, не соответствует тексту источников, что мы стремились показать в специальной работе, которую А. Л. Якобсон обходит молчанием⁶. Это мы можем расценить как своего рода пассивное сопротивление, поскольку автор не в силах опровергнуть наш вывод о том, что этноним «черные болгары» относится к населению междуречья Днепра и Прута и не имеет ничего общего с населением средневековой Таврики. А. Л. Якобсон, безусловно, знает, что горная область в Крыму была известна в Византии под двумя названиями — Готия и Климаты, а позднее в русских источниках получила наименование Корсунской страны, в которую (подчеркиваем, кстати), а не из которой приходили «воевать и пакостить» черные болгары в середине X в. (договор Игоря).

Наконец, последний вопрос. В чем причина возрождения поселений Юго-западной Таврики и того экономического подъема, который проявился в бурном расцвете высокоспециализированного гончарного производства, резко контрастировавшего с архаической культурой края? Он объясняется, как верно отмечает А. Л. Якобсон, прежде всего стабилизацией политической обстановки в Северном Причерноморье, наступившей вслед за образованием огромной Хазарской державы, в сферу прямого политического влияния которой попал весь Крым, включая Херсон. А. Л. Якобсон верно отмечает независимость края от Византии, но согласиться с ним в том, что Юго-западная Таврика не зависела и от Хазарии, нельзя. А. Л. Якобсон пишет, что «господство хазар в Таврике в VIII в. не могло не ослабеть вследствие напряженной борьбы Хазарского государства с арабами» (стр. 191). Это верно, но он забывает о том, что, как только господство хазар в Таврике, и именно в Готии, ослабевало, хазары энергично напоминали о нем и не отказывались от борьбы за Таврику вплоть до 40-х годов X в., когда сама Хазария была уже на пороге гибели⁷. Тезис А. Л. Якобсона о том, что политический вакуум в Таврике привел ее к бурному экономическому расцвету, не соответствует конкретной исторической обстановке VIII—IX вв. Прав А. Л. Якобсон лишь в том, что Юго-западная Таврика, оторвавшаяся от Херсона и иконоборческой Византии и оказавшаяся во власти реакционного монашества, стремилась к независимости и от Византии, и от Хазарии. По существу в нагорье возникло в VIII в. буферное политическое объединение, от которого формально не отказывалась Византия и которое в то же время считала своим Хазария.

Впрочем, независимость края, на которой настаивает А. Л. Якобсон, сама по себе еще не могла определить бурного экономического возрождения. В чем же действительно причина этого подъема? На наш взгляд, она не в независимости, а, напротив, в зависимости Таврики — и зависимости именно от Хазарии. Как бы ни относился автор к роли Хазарии в истории Восточной Европы, вряд ли он сможет отрицать простую следственную связь — распространение в Северном Причерноморье хазарского влияния и появление оседлости на границах степи и в речных долинах. Это бесспорно. Появление оседлости, сопровождавшееся бурным ростом земледельческого хозяйства, интенсифицировало всю экономическую жизнь. Вновь расцветает Боспор, подымается Фанагория, появляется новый город Тмуторокань (Таматарха), превращается в город-

⁶ А. В. Гадло. О черных и внутренних болгарах (Одна из спорных проблем исторической этногеографии южнорусской степи). — «ГО СССР. Доклады по этнографии», вып. 6. Л., 1968.

⁷ Д. Л. Талис. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики в литературе последних лет. — ВВ, XIX, 1960, стр. 255—259.

ское поселение Тепсеень. Огромный рынок сбыта открылся перед ремесленниками захиревших византийских провинций, началась не только монашеская, но и ремесленная иммиграция в Таврику. В юго-западном нагорье, ближе к коренной области, появляются отдельные ремесленные центры, не связанные прямо с местным населением, но обслуживающие и его. Производством вина на экспорт в Хазарию, черепиц и керамической тары, возможно, начали заниматься и монастыри. Общая стабилизация и подъем привели к бурному строительству, а втягивание в экономические связи — к интенсификации земледельческого хозяйства и возрождению поселений в юго-западном нагорье. Таким представляется нам процесс, зафиксированный А. Л. Якобсоном в горной Таврике VIII—IX вв.

В заключительном разделе V главы А. Л. Якобсон вновь ставит вопрос об этносе, населявшем Юго-западный Крым в VIII—X вв. Но теперь главной посылкой является следующее заключение: «Продвинувшиеся в Юго-западную Таврику праболгары оседали отнюдь не на опустошенных землях. Они застали поселки, по преимуществу греческого и сармато-аланского населения, задолго до того слившегося с аборигенами края — потомками тавроскифов» (стр. 193). Мы привели эту цитату не только потому, что она снимает высказанное А. Л. Якобсоном выше и оспоренное нами заключение о тождестве культур Приазовья и Юго-западного Крыма, но и потому, что под этим заключением мы готовы подписаться обеими руками. Разбирая книгу А. Л. Якобсона, мы все время пытались показать, что Юго-западный Крым — это особая область, где в течение всего средневековья оставался древний этнос, пополнявшийся время от времени новыми вливаниями из степи. Указывая на необходимость привлечь к исследованию материал позднеантичных памятников и могильников V—VII вв., мы обращали внимание именно на этот автохтонный этнос. Заключение же А. Л. Якобсона контрастирует со всей книгой, но это, на наш взгляд, единственно верное решение этногенетической проблемы. Теперь спорить не о чем.

Итак, Юго-западный Крым в VIII—IX вв. населяли потомки древних аборигенов, слившиеся в первые века н. э. с сармато-аланами, в эпоху Великого переселения смешавшиеся с готами (напомним о готах-земледельцах страны Дори Прокопия), в период иконоборческих гонений (конец VIII—IX в.) подвергшиеся некоторой грецизации и, наконец, в период оседания по границам Хазарского каганата потомков древних гунно-болгар (праболгар — носителей салтово-маяцкой культуры) испытавшие воздействие последних. «Население этого края, в сущности говоря, нельзя назвать ни греческим, ни готским, ни аланским. Нельзя назвать его и праболгарским», — пишет А. Л. Якобсон (стр. 194). Совершенно справедливое заключение. Отметим только, что население Восточной Таврики и Приазовья праболгарами назвать можно.

Такова новая монография А. Л. Якобсона. Это несомненно нужная и полезная работа. В ней впервые представлен новый вид источников по истории средневековой Таврики — материал, добытый при раскопках рядовых сельских поселений. Трагедия этого материала вызвала наши возражения, она спорна, но это не умаляет ценности книги, ибо затронутый автором широкий круг проблем намечает пути дальнейшего развития работ по изучению истории не только Таврики, но и всего Причерноморья в целом. У книги есть только один существенный недостаток — она не имела научного редактора, который мог бы указать автору на досадные промахи и противоречия, помог бы отточить формулировки и придать большую целостность и определенность общей исторической концепции, избавил бы от ненужных повторений и алогизмов.

К работе А. Л. Якобсона приложена статья Ю. Д. Беневоленской «Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-западного Крыма» (стр. 198—223). Отметим некоторые выводы этой статьи.

Сравнение трех серий черепов, добытых раскопками А. Л. Якобсона у с. Родникового, у с. Гончарного и на плато Пампук-Кая, с сериями из могильников Эски-Кермена, Мангупа и Херсона показало относительную антропологическую пестроту населения Крыма в средневековье (рассматривается материал VIII—XIX вв.), но в основном это европеоидное население, отличавшееся от населения Восточного Крыма (Керчь, Судак, Планерское).

Сравнение материалов Юго-западного Крыма с материалами из ливкинского могильника, Саркела и могильника Нови Пазар привело автора (вслед за Г. Ф. Дебецем и В. В. Гинзбургом) к мысли об их некотором антропологическом сходстве. Автор совершенно справедливо обращает внимание на то, что «европеоидная основа тех и других близка к сарматскому типу» (стр. 207), но в крымской серии почти полностью отсутствуют монголоидные элементы, и она более брахикрана.

В заключение Ю. Д. Беневоленская осторожно высказывает мысль о возможности «предполагать в Юго-западном Крыму наличие примеси брахикранного населения из приазовских степей VII—IX вв.» (стр. 207). Этот вывод возник, несомненно, вследствие наложения антропологического материала, очень разнородного и сравнительно малочисленного, на археологическую схему А. Л. Якобсона, представленную во II и III главах рецензируемой монографии (см. стр. 206, прим. 39).

А. В. Гадлю